

УДК 821.111 (73)
ББК 84(7Сое)
Б28

Дизайн обложки: *Екатерина Оковитая*
Иллюстрация для обложки: *Екатерина Кириллова*

Tracey Baptiste
JUMBIES

Печатается с разрешения издательства Book Crossing
Borders, Inc. и литературных агентств
The Jennifer Di Chiara Literary Agency и Nova Littera SIA

Перевод с английского языка: *Марк Полещук*

Батист, Трейси
Б28 Джвмби, духи леса / Трейси Батист. – Москва: Издательство АСТ, 2020. – 253, [1] с.

ISBN 978-5-17-118545-9.

Коринн Ла Мер ничего не боится. Ни скорпионов, ни вредных мальчишек, ни джамби. Духи леса – это просто выдумка, чтобы пугать детей. Но однажды вечером Коринн забирается в чащу махагонового леса – самого древнего и дикого на острове. А на следующий день в деревне появляется подозрительная женщина: неземная красавица со странными глазами. Все поражены таинственной незнакомкой. Одна лишь Коринн чувствует: с ней что-то не так. И когда красотка внезапно является домой к Коринн, девочка понимает, что всем жителям острова грозит страшная опасность.

© 2015 by Tracey Baptiste
© Полещук М. Б., перевод, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Моим детям, Алише и Адаму,
без которых эта книга была бы закончена
еще несколько лет назад

И всем детям (не важно, какого возраста),
живущим на Карибах

Видите? У вас тоже есть сказки

1. Лес

Пока Коринн Ла Мер бежала через лес, ее сердце билось, словно обезумевший барабан. Голые ноги вязли в палой листве, спотыкались о торчащие узловатые корни. Она изо всех сил напрягала зрение, чтобы не потерять в пятнах солнечного света маленького пушистого агути, который со всех ног удирал от нее. Время от времени лучи вспыхивали на гладкой поверхности камешка, привязанного к задней ноге животного. Камешек служил для Коринн чем-то вроде маяка. Подобравшись достаточно близко, она бросилась на агути и промахнулась, схватив лишь горстку земли. Коринн хмыкнула и отбросила грязь в сторону. Животное скрылось под кустом, и Коринн припала к влажной траве, чтобы последовать за ним. Юбка зацепилась за ветки, но девочка рванула ее, решив добраться до животного во что бы то ни стало. Существо под кустом прижалось к камням и корням большого дерева.

К одиннадцати годам Коринн выучила, что, когда дикому животному некуда бежать, оно может напасть. Потому она приостановилась.

— Я не причиню тебе вреда,— очень спокойно сказала девочка и подползла чуть ближе.— Мне просто нужна та штука на твоей ноге. Без нее ты сможешь бегать намного быстрее, и я не буду преследовать тебя... так...

Она осторожно подобралась к агути и медленно развязала шелковый шнурок. Всклоченный мех зверька мелко дрожал, а сердце билось так же быстро, как и у нее. Коринн крепко сжала в кулаке кулон с камешком и выползла из-под куста.

Большим пальцем Коринн потеряла камень. За годы такого обращения на поверхности образовалось гладкое углубление прямо под ее палец. Кулон принадлежал ее маме, и, когда девочка опускала большой палец в выемку, она представляла, что вкладывает свою руку в мамину ладонь. Вернув себе кулон, Коринн с облегчением выдохнула. Но облегчение было недолгим.

Она не знала этой части леса. Здесь было темнее: ветки дерева махагони¹ были такими толстыми, что сквозь них едва пробивался дневной свет. Даже пахло здесь по-другому —

¹ *Махагони* — общее название для разных тропических пород деревьев с красной древесиной.

деревом и влажной землей, — а Коринн привыкла к запаху моря. Она не представляла, в какую сторону ей идти.

Девочке показалось, что где-то между листьями она видит пару сияющих огоньков. Они располагались близко, как глаза. По коже побежали мурашки, но затем огоньки исчезли, и Коринн попыталась стряхнуть липкую паутину страха. Должно быть, это просто какое-то отражение.

«Не глупи», — пожурила она себя.

— Я прикончу этих мальчишек, — пробормотала девочка в тяжелый плотный воздух.

Двое желтобрюхих птиц сели на ветку над ее головой и заголосили:

— *Кис-ка-ди, кис-ка-ди!*

Что-то крошечное юркнуло в подлеске, слегка царапнув ее ногу. В животе у Коринн сжался тугой комок, холод от него начал расползаться по телу. Она слышала истории, которые рассказывали взрослые: об ужасных существах, живущих в потаенных уголках острова, под сенью древних деревьев махагони. О чудовищах с ногами на спине, о женщинах, способных сбрасывать кожу, и женщинах с копытами вместо стоп. И пускай папа каждый раз говорил ей, что это неправда, — должна же быть какая-то причина, по которой никто не заходит так глубоко в лес?

Коринн почувствовала дуновение ветерка на левой щеке. Она последовала за ним, как учил папа.

Через несколько минут деревья поредели. Сквозь ветви проникало куда больше света. Коринн вздохнула свободнее. Сердце замедлило бег. Но она продолжала торопливо шагать по неровной земле, подныривая под ветки, встречающиеся на пути. Вдруг за ее спиной зашуршали кусты. Девочка обернулась как раз вовремя, чтобы заметить какое-то движение в тени. Наверняка это просто животное. Но что, если там совсем другое существо? Существо из рассказов взрослых?

Джамби.

Волосы на руках у Коринн встали дыбом. Обращиваясь, она стиснула мамин кулон. Под густым тенистым пологом моргнули два желтых глаза. Коринн повернулась и побежала так быстро, как только могла. Тварь зарычала и бросилась вслед за ней.

Коринн сосредоточилась на том, куда ставит ногу. Она прорвалась через последнюю линию деревьев на грунтовую дорогу. Тут же ее схватила большая пара рук. Коринн сжалась, зажмурилась глазами.

— От чего бежишь, Коринн? — спросил знакомый голос.

Она с облегчением открыла глаза.

— Ни от чего, папа, — сказала она, порывисто хватая ртом воздух и дрожа всем телом.

Пьер Ла Мер посмотрел дочери прямо в глаза.

— Что ты здесь делаешь?

Коринн посмотрела на дорогу. У пересохшего колодца стояли двое мальчишек в ободранной, грязной одежде и наблюдали за ними. Старший озорно улыбался. В руках он сжимал маленькую лягушку, подняв ее над черной дырой колодца. Лягушка сопротивлялась, но мальчишка держал крепко.

«Их следующая жертва», — подумала Коринн. Она позволила кулону выпасть из сжатого кулака и повиснуть в воздухе. Гладкая поверхность ярко заблестела в солнечных лучах. Улыбка медленно сползла с лица мальчишки. Младший не смог сдержать удивления, а затем ухмыльнулся. Брат сильно толкнул его локтем.

— Эти грязные мальчишки привязали мамин кулон к детенышу агути и напугали его, чтобы бежал в лес. Я должна была вернуть его.

— Какие мальчишки? — оглянулся Пьер, но тех уже и след простыл. — Ты правда догнала агути в лесу и поймала его?

Он оглядел Коринн с ног до головы, вытащил несколько веточек и листочков, застрявших в косичках. И вдруг рассмеялся.

— Я вырастил охотницу! — Пьер поцеловал ее в обе щеки, но после стал очень серьезным. — Ты уже достаточно взрослая, чтобы понимать, почему по лесу нельзя бегать. В кустах могут прятаться дикие животные, Коринн. Поэтому здесь никто не разгуливает просто так.

Коринн оглянулась на заросли и подумала о сияющих желтых глазах и твари, что преследовала ее.

Отец крепко-крепко ее обнял.

— Твое сердце бьется сильнее океанской волны. Что-то тебя напугало? Неужели джамби? — поддразнил он.

В объятиях отца, на ярком свету, Коринн только посмеялась над своим страхом. Она обняла его в ответ и сказала:

— Нет, папа.

— Конечно, нет. Моя девочка ничего не боится, да? — Подмигнув, Пьер стер с лица дочери полоску грязи. — Солнце садится. Пора навестить твою маму. Готова?

Коринн надела кулон и снова почувствовала, как камень коснулся ее сердца.

— Готова.

Вместе с отцом девочка направилась прочь, пока солнце медленно опускалось за горизонт.

Они не видели пары желтых глаз, вспыхнувших на краю леса. Чем темнее становилось, тем ярче они сияли. Глаза провожали идущих по дороге Коринн и Пьера, пока те не скрылись за поворотом. И как только солнце опустилось за верхушки деревьев, а лесные тени коснулись дороги, из зарослей вышли джамби.

2. Кладбище

Коринн и ее отец присоединились к десятку других людей, идущих к кладбищу. Такова традиция кануна Дня Всех Святых — почитать память умерших родственников. Многие люди на острове Коринн верили, что в ночь после Дня Всех Святых умершие обретают силу ходить среди живых. Некоторые говорили, что духи и джамби рыщут по округе, чтобы отомстить тем, кто причинил им зло. Из них жители острова сильнее всего боялись джамби. В историях, которые передавали из уст в уста, говорилось, что джамби живут среди людей, прячутся в тених и терпеливо ждут подходящего момента, чтобы напасть, потому что они — чистейшее зло. Многие верили в них, но Пьер учил Коринн, что духи и джамби — ерунда. Поэтому, хотя некоторые дети жались к своим родителям, Коринн не боялась. Она проскочила вперед всех и затянула песню:

Ти-донг, ти-донг, ти-донг.
Жаба голос подает.
Лягушка скачет, скачет, скачет.
А жаба голос подает.

Несколько самых смелых детей присоединились к ней:

Ти-донг, ти-донг, ти-донг.
Жаба голос подает...

Когда процессия приблизилась к церкви, песня стихла. Дети вернулись к своим родителям, и Коринн почувствовала, как большая ладонь отца сомкнулась вокруг ее руки. Свежий морской воздух играл с его длинными заплетенными волосами, и резкий запах соленой воды доносился от влажных сандалий при каждом шаге. Кожа на ладони была теплой и грубой после многих лет работы в море, где он затаскивал в лодку сети, полные рыбы.

На вершине невысокого холма показалась старая каменная церковь. Коринн же смотрела на выбеленные надгробия и деревянные кресты на кладбище по соседству. Ее взгляд скользнул по толпе. Лорен шел рядом с матерью: оба с подрумяненной солнцем кожей и широко раскрытыми глазами. Лючия и ее братья шли впереди матери и отца. Мама Лючии тяжело дышала и старалась не

отставать, хотя ей было тяжело из-за раздувшегося живота, в котором до поры прятался новый брат или сестра Лючи.

— Знаешь, я помню ее, — сказала Коринн Пьеру. — Помню маму.

— Правда? — с улыбкой спросил Пьер.

— Она заплетала волосы в толстые черные косы, и они спадали до середины спины.

— Как у тебя?

— Точно как у меня, — сказала Коринн с улыбкой. — И ее кожа была темно-коричневого цвета. Как земля.

— Как и твоя! — сказал Пьер.

— Да. И ее глаза были такими же большими и яркими, как солнце.

— Хм, и как ты все это помнишь?

— Ты же рассказывал мне о ней каждый день, папа! — ответила Коринн.

Смех Пьера смешался с шепотом волн, откатывающихся обратно в море. Пьер и Коринн ускорили шаг и вошли на церковный двор как раз в тот момент, когда закат накрыл окружающий мир вуалью оранжевого света.

— Оранжевая магия, — одновременно произнесли Коринн и ее отец.

— Любимое время дня твоей мамы, — прибавил Пьер, и его глаза наполнились слезами.

— Значит, мы как раз вовремя, — сказала Коринн.

Она сжала отцовскую ладонь и повела его мимо людей, уже прошедших на маленькое кладбище, зажигавших свечи и укладывающих цветы. В углу, около молодого деревца, стоял деревянный крест. Пьер провел пальцами по вырезанной на нем надписи.

НИКОЛЬ ЛА МЕР

ЛЮБИМАЯ ЖЕНА И МАТЬ

Дольше всего его пальцы лежали на слове «Николь».

Пьер сорвал с деревца белый апельсиновый цветок и воткнул его в волосы Коринн. От цветка все еще исходил сильный аромат, хотя он уже начинал складывать лепестки на ночь. Коринн вспомнила, как они хоронили маму в земле, будто семечко. Коринн тогда было четыре, и мама учила ее, как выращивать растения. На похоронах Коринн прошептала: «Через сколько она вырастет снова, папа?» Но выражение отцовского лица сказало ей, что не все, положенное в землю, однажды прорастает и возвращается. Через год на могиле появилось маленькое апельсиновое дерево: оно цвело каждый год, но никак не могло сравниться с живой мамой.

Пьер вытащил несколько свечей из кармана и чиркнул спичкой. Пламя жадно облизывало низ

каждой свечки. Когда воск подтаял, Пьер вдавил свечи в твердую землю над могилой и зажег их. Морской бриз заиграл с тонкими огоньками.

— Смотри, папа, — сказала Коринн, показывая на небо. — Как светлячки.

Пьер только мельком успел взглянуть на сотни мерцающих желтых огоньков, рассеянных над темным кладбищем, — как их свет затмил силуэт крупного мужчины.

— Сегодня духи являются в наш мир, мой друг, — сказал мужчина, хлопая Пьера по спине. Низкий голос грохотал среди надгробий.

— Хьюго! — с улыбкой сказал Пьер. — Как у тебя дела?

Хьюго кивнул:

— Всё в порядке.

Он хлопнул себя по плечу, и в воздух поднялось маленькое белое облачко муки. Хьюго был деревенским пекарем. Он всегда пах свежим хлебом, а под его ногтями постоянно застревало тесто. Даже щеки его со временем надулись, как свежая выпечка в духовке. Хьюго прикоснулся незажженной свечой к одной из свеч Пьера. Язычок стал ярче, затем раздвоился, когда Хьюго убрал свою свечку.

— Мертвые ходят по земле, малышка, — сказал он Коринн. — Неужто тебе не страшно?

Она коснулась кулона мамы, улыбнулась отцу и покачала головой.

